

«Подвиг Девятаева»

Художник Айдаров Ильяс

действительный член Российской

Академии Художеств, Заслуженный художник России

Народный художник Республики Татарстан,

Заслуженный деятель искусств Республики Татарстан

В конце Великой Отечественной войны побеги заключенных из немецких концлагерей случались довольно часто. Но есть среди них один, который в буквальном смысле повлиял на ход войны. Группа летчика Михаила Девятаева, чудом избежавшего смерти, не только сумела вырваться из плена и угнать самолет, но рассекретить немецкое чудо-оружие.

Полигон Пенемюнде, который располагается на острове Узедом в Балтийском море, считается местом рождения легендарных ракет Фау-1 и Фау-2, а также нескольких самых современных на тот момент самолетов. В систему полигона также входил концентрационный лагерь, узники которого использовались немцами для выполнения черновой работы. Именно в этом лагере содержался советский летчик-истребитель Михаил Петрович Девятаев, человек, который совершил невозможное.

Михаил Девятаев родился в 1917 году в простой крестьянской семье, где был тринадцатым ребенком. По национальности мокшанин. Как и многие советские подростки в 30-е годы, он увлекался авиацией, посещал аэроклуб. Эта тяга к небу во многом предопределила его будущую военную специальность - в 1940 году Михаил окончил Чкаловскую военно-авиационную школу летчиков. На фронт попал с первых дней войны, 24 июня 1941 года уже записал на свой счет первого сбитого - пикирующий бомбардировщик "Штука" (Junkers Ju 87). Всего же до своего попадания в плен в июле 1944 года "Мордвин", как его называли боевые товарищи, сбил 9 вражеских самолетов и успел полетать под началом легендарного трижды Героя Советского Союза Александра Покрышкина.

В плену Девятаев несколько раз подвергался допросам и пыткам, после чего его и других пленных летчиков конвоировали в Лодзинский лагерь военнопленных. Спустя месяц после попадания в плен 13 августа 1944 года "Мордвин" и еще несколько человек совершают побег из лагеря, но довольно скоро их ловят и переводят в категорию "смертников". Буквально на следующий день всех "смертников" в специальных робах с нашивками отправляют в печально известный лагерь Заксенхаузен. Казалось, что здесь все и закончится для славного летчика Девятаева, но сочувствующий пленнику лагерный парикмахер подменил номер его нашивки, превратив смертника в обычного узника. За несколько дней до прихода новой партии заключенных в лагере от голода и болезней умер врач Никитенко, его идентификационный номер был аккуратно срезан цирюльником с робы. Вместе с новым номером появилась и новое имя - Григорий Никитенко, под которым "Мордвин" и попал в лагерь Пенемюнде.

В своих многочисленных интервью Девятаев говорил, что бежать из лагеря на самолете он решил в первые же минуты своего прибытия на остров Узедом. Ему, с детства увлекающемуся самолетами, показалось довольно просто угнать условный "Юнкерс" из-под носа охраны. Теперь осталось подобрать себе команду, проверенных людей, которые и под пытками не выдадут информации о будущем побеге. Всего таких подобралось десять человек, кто-то работал недалеко от аэродрома, кто-то имел связи с конвоирами, и все без исключения молчали о будущем побеге. Да и как можно было предать своих товарищей, если у каждого, кто вошел в этот список беглецов, были свои личные счеты с немцами? Например, Немченко при допросах и пытках выбили глаз, Урбанович попал в лагерь еще мальчиком в 1941 году, а Кривоногов не знал, что такое страх и в предыдущем лагере даже убил у всех на глазах местного полиция.

Следующие месяцы до побега Девятаев старался незаметно изучать приборные панели самолетов, которые ремонтировались в соседних бараках. Тогда же он узнал от старых заключенных об испытаниях немецкого оружия, а потом увидел их сам.

Что осталось неизвестным в биографии летчика Михаила Девятаева
"Опять будет падать штанга с неба, - сказал работавший рядом со мной человек.

- Какая штанга? - спросил я.

- Сейчас увидишь, - послышался ответ, и тут же кто-то объяснил:

- Реактивный выпустят.

И действительно, через несколько минут появился на высоких шасси, с широко разведенными крыльями не известный мне по своей конструкции самолет. Нам приказали прекратить работу и спуститься в ямы, которые были заранее подготовлены для этой цели. Охранники с собаками стали над нами. Я услышал, как заревел один, потом другой двигатели... Я смотрю, а кругов от воздушного винта не вижу... Звук мотора тоже необычный - какой-то шипящий, со свистом.

Вот самолет быстро пробежал и оторвался от земли. В воздухе уже от него отделилось что-то, похожее на шасси или штангу, и упало в море. Сделав на огромной скорости два круга, самолет зашел на посадку и приземлился. Еще одна тайна острова: реактивный самолет. Может быть, это и есть "чудо-оружие" Гитлера, о котором нам неоднократно говорили пропагандисты Геббельса. Знают ли о нем в Москве? - спрашивал я сам себя".

Первоначально побег планировали осуществить ближе к марту 1945 года, уже выбрали себе самолет - бомбардировщик Heinkel He 111, достаточно вместительный для десяти человек, но бежать, а точнее лететь, пришлось раньше...

В концентрационных лагерях существовали банды заключенных, которые думали, что целиком и полностью управляет всеми остальными. Их действия поощрялись немецкой администрацией, которой было выгодно иметь свои глаза и уши внутри

бараков. Но, помимо доносов, у этих банд была еще одна, страшная функция - "Десять дней жизни". Вот как об этом вспоминал сам Михаил Девятаев:

"Десять дней жизни"- это лагерная формула самосуда, самочинная расправа группки бандитов-заключенных. Они выбирают себе жертву по указанию коменданта или охраны и в угоду им убивают ее, уничтожают варварским способом. Кто проявлял недовольство лагерными порядками, кто носил на груди красный ("политический") винкель, кто сопротивлялся ограблению, кто сказал не так, - тот попадал во власть банды головорезов. Девять дней "виновного" истязали всеми способами, какие только могли придумать организаторы издевательств, а если он еще оставался в живых, на десятый день его приканчивали. Заводилы имели право бить обреченного как угодно, когда угодно и так, чтобы свои последние десять дней тот прожил только в муках, в бреду, в полубессознательном состоянии. Чем сильнее он страдал, тем выше была награда за их работу. Самые дикие инстинкты пробуждались в низких, отвратительных существах таким своеволием, такой безнаказанностью".

Неудивительно, что заключенные боялись такого исхода значительно больше, чем "гуманного" расстрела. За несколько недель до побега близкий друг Девятаева уже стал жертвой такого самосуда. И вот "Десять дней" выписывают для него самого. Причиной стала драка с одним из заключенных, Костей-моряхком. Его резкие слова: "А мне какая разница, где жить! Водка, девушка и деньги!", - не раз выводили из себя других узников, для которых домом была оставленная на Родине семья. И однажды Девятаев не стерпел, ударил обидчика, но был тут же зверски избит. Очнувшись, он понял, что оставшиеся девять дней "приговора" пережить не сможет, и чем скорее они с товарищами угонят самолет - тем лучше. Спустя еще 3 дня побоев и издевательств, окончательный план побега был готов.

Утром 8 февраля 1945 года будущие беглецы выменяли себе места в двух рабочих бригадах по пять человек. Обычная задача таких групп - это уборка аэродрома, подходить к самолетам им было категорически запрещено. Но беглецы сообщили часовому, что им дана задача отремонтировать земляной ров - капонир. Когда тот удалился, группа по сигналу перешла к активным действиям. Кривоногов по сигналу убил заточкой конвоира, и теперь в радиусе ста метров кроме них и самолета никого не было. Быстро стянули чехлы с моторов "хейнкеля", Девятаев прыгнул на место пилота, попытался завести моторы - тишина, оказывается, у машины отсутствовал аккумулятор! Каждая минут промедления приближала заключенных к смерти за побег и убийство, поэтому действовали молниеносно. Всего за пять минут нашли тележку с аккумулятором и, наконец, завели мотор!

"Плавню нажимаю на кнопку стартера. Мотор зашумел жу-жу-жу! Спокойно включаю "лапкой" зажигание, мотор несколько раз фыркнул и загудел. Увеличиваю газ - заревел. Круг винта стал чистым, прозрачным. Друзья от восторга дают в плечи радостные легкие пинки".

Машина разгоняется, минует вахтманов, садящиеся "юнгерсы" и... чуть не падает с обрыва в море. Даже на самой максимальной скорости она никак не идет вверх, только спустя несколько минут Девятаев догадывается, что мешают триммеры руля, у незнакомой машины они установлены в режиме "на посадку". Новый разгон, но теперь на взлетной полосе уже бегают немцы, явно догадывающиеся,

что с самолетом, а может и с пилотом что-то не так, сейчас они преградили живой цепью полосу.

"Они не ожидали, что "хейнкель" двинет на них. Да их же давит летчик-заключенный! Они бросились врассыпную. Те, что были дальше и которым ничего не угрожало, вынимали из кобуры pistols. Другие бежали к своим зениткам. Но время было выиграно, только время, а не победа. Самолет снова мчался на тот конец аэродрома, с которого мы начинали взлет".

С помощью товарищей Девятаев все-таки смог вытянуть штурвал на себя, и самолет оторвался от земли, полетел! Но полетел неуверенно, слишком быстро стал набирать высоту и терять скорость, пришлось наугад искать триммер высоты и лишь после этого грузный бомбардировщик стал быстро удаляться от злосчастного Пенемюнде.

Казалось бы, все, долгожданный побег совершен, впереди родная земля. Но на хвост сел немецкий истребитель, который возвращался с задания. Он успел выпустить в сторону "хейнкеля" с заключенными несколько пулеметных очередей, но был вынужден приземлиться, так как у него то ли кончилось топливо, то ли закончились боеприпасы. Девятаев и его товарищи исчезли в облаках. По солнцу они смогли сориентироваться и вскоре уже приблизились к линии фронта, где по ним открыли огонь советские зенитные орудия. Пришлось вынужденно посадить самолет в поле, недалеко от города Вольдемберга, уже на территории, контролируемой Красной Армией.

Первое время бывшие пленные допрашивались НКВД несколько раз в день - судьба бывших заключенных концлагеря тогда была незавидна. Но ситуацию спас легендарный советский ученый Сергей Королев: ознакомившись с "начинкой" и документацией "хейнкеля", он пришел в восторг. Ведь группе беглецов получилось ненароком добыть такие сведения и аппаратуру, которую не смогли бы получить и десяток-другой разведчиков. Речь, конечно, шла о первой в мире баллистической ракете Фау-2, "оружии возмездия" немцев.

Оказалось, что из всех стоявших на взлетной полосе самолетов группе Девятаева попался именно тот, в котором была установлена специальная радиоаппаратура для запуска чудо-ракет. Добытые сведения помогли советским конструкторам самим создать первые прототипы баллистических ракет, а впоследствии и создать космическую программу.

Дальнейшая судьба беглецов в большинстве своем печальна. Только четверо из десяти пережили кровавую мельницу войны. Сам же Девятаев был награжден высшей наградой СССР - Звездой Героя - в 1957 году за вклад в советское ракетостроение.